

А.Н. МИРОШНИЧЕНКО

КОММУНИКАТИВНЫЙ КОНТЕКСТ ФОРМИРОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Анализируются соотношения категорий деятельности и коммуникации. Показано, что осмысленным процесс коммуникации может быть тогда, когда он связан с преобразованием индивидуальной активности в коллективную деятельность.

The article analyses the correlation of categories of activity and communication. It shows that communication process can only be sensible when it is connected with transformation of individual behavior to collective activity.

Обращение к понятию деятельности в социальных исследованиях связано с тем, что, как становится очевидным в последнее время, порядок и системность коллективной активности во многом зависят от способности индивидов, вступая в коммуникацию, формировать представление об надындивидуальной коллективной деятельности, объемлющей и сводящей единичные действия в единую систему. В этом отношении парадигматический статус понятия деятельности определяет всю специфику современного социально-гуманитарного знания. Он предполагает возможность преобразования предметов этих дисциплин в единую системную модель всего человеческого мира как мира деятельности, что в свою очередь делает возможным развитие и усовершенствование этого мира. По крайней мере эта идея может считаться осмысленной в процессе рассмотрения такой модели через призму ее коммуникативных, а не онтологических функций. Чем более совершенна картина человеческого мира, тем с большей вероятностью на ее основе можно будет выстраивать коллективную деятельность.

Во многих версиях деятельностного подхода деятельность рассматривается, во-первых, как объект исследования, т. е. в качестве результата объективации, и, во-вторых, для нормирования практической деятельности индивидов, т. е. в функции реализации исследовательских знаний (в естественных науках эту функцию выполняет эксперимент). Таким образом, сама категория деятельности выступает в двух функциях - объективации и реализации, а также на двух уровнях - теоретической картины деятельности и единичной неповторимой практики. Совершенно очевидно, что для адекватного рассмотрения проблемы деятельности необходимо учитывать все эти аспекты и связи. Однако в данной статье речь пойдет только о процессе объективации деятельности, в частности о коммуникативной функции такой объективации, что является безусловным отвлечением от остальных аспектов проблемы.

Такой ракурс рассмотрения связан с тем, что в последнее время в философской литературе категория деятельности, сохраняя главные характеристики, используется в основном в связях с другими категориями - коммуникацией, знанием, организацией, управлением и т. д. Причем на сегодняшний день основополагающей категорией, связываемой с категорией деятельности, становится категория коммуникации. Зачастую коммуникация и деятельность рассматриваются как противоположные характеристики чело-

веческого мира, что, с нашей точки зрения, является недоразумением. На основании различия содержания этих категорий многими исследователями выносятся мировоззренческие следствия, что противоречит их методологической специфике.

По нашему мнению, наиболее продуктивный эффект в описании специфических методологических проблем современной социальной теории может быть достигнут в соотнесении, а не в противопоставлении данных категорий. Это позволит построить такую нормативную модель коллективной деятельности, на базе которой можно будет выстраивать организационные формы современных коллективов.

В европейской философии категория деятельности заслужила наибольшего внимания в Новое время, и это было связано с попыткой специфицировать человеческое существование, что в конечном счете вылилось в антропоцентризм. Поэтому картезианское различие протяженной и мыслящей субстанций, а также кантовский трансцендентальный анализ можно проинтерпретировать как анализ человеческого отношения к природе со стороны самого этого отношения, т. е. со стороны деятельности.

Однако уже в философии И. Фихте понятие деятельности было доведено до абсолюта и получило субстанциальное толкование. Категория деятельности у него выступала не столько как результат содержательной развертки самоотношения человеческого «Я», сколько как формальная характеристика абсолютной недетерминированности человеческого мира¹. Однако такой субстанциализм деятельности не получил дальнейшего развития, и уже у Гегеля она проявляется не столько в качестве субстанциального основания всякого человеческого, сколько в качестве атрибутивной черты субстанциального духа. В связи с этим анализ деятельности у Гегеля был обусловлен необходимостью описания объемлющей деятельности системы, которая задавала ее форму и содержание. Этой системой является субстанция надприродного и надчеловеческого духа, а деятельность становится «имманентной духу спонтанной разумной активностью»². Такой функциональный подход к описанию деятельности как атрибута развития духа сделал возможным ее структурный анализ, в результате чего были определены такие элементы деятельности, как цель, средства и результат.

После работ Гегеля стало возможным уйти от понятия деятельности как универсального и абсолютизированного объяснительного принципа и подойти к специально-предметному изучению ее. Такой подход был осуществлен К. Марксом. Он первый рассмотрел ключевой аспект деятельности - ее предметный, преобразующий характер. Аспект был, с одной стороны, результатом отказа от субъект-объектной схемы рассмотрения деятельности, а с другой - относился к категориальной оппозиции материала (материи) и продукта. Этот аспект предполагал также анализ материала, который преобразовывался в соответствии с идеальным представлением того, что требуется и проектируется человеком в качестве продукта его деятельности. То, что когнитивный аспект человеческой деятельности связывался К. Марксом не с категорией объекта, а с категорией продукта, который указывал на цели деятельности, что определяло зависимость объектных характеристик мира от внутренних элементов системы деятельности, сделало деятельностный подход полноценной методологической программой не только в гносеологии, но и в социальных науках. В этом практическом аспекте К. Маркс интерпретировал социальную жизнь как социальную практику.

После Марксова анализа стало невозможно рассматривать деятельность только и исключительно исходя из антропологических позиций как метафизическую основу человеческого бытия, поскольку именно после К. Маркса деятельность стала пониматься как *форма* человеческой активности. В то же время употребление в отношении деятельности понятия формы имело следствием разработку формальных способов анализа человеческой активности и процедур, оформляющих человеческую активность в качестве деятельности. В связи с этим определение понятия деятельности сводится к определению ее как «специфически человеческой *формы* актив-

ного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет целесообразное изменение и преобразование этого мира на основе освоения и развития различных форм культуры»³.

Таким образом, для спецификации понятия деятельности стало необходимым анализировать те формы человеческой активности, которые и задают ее как деятельность. Эти формы закрепляются в виде образца в культуре, и в результате человеческая активность определенным образом искусственно, посредством специальных средств, производится и воспроизводится в социальном мире. Такое «формальное», конструктивное понимание деятельности, которое, как это ни парадоксально, связано в первую очередь с именем немарксиста Т. Парсонса⁴, а в Советском Союзе с именами Э.Г. Юдина, Г.П. Щедровицкого⁵ и других исследователей, во-первых, сужает всю деятельностную проблематику: уходит от антиномии активизма и бихевиоризма, деятельности и существования (деятельностной и экзистенциальной парадигматики в философской антропологии), вопросов о детерминированности человеческой деятельности и т. д., а во-вторых, позволяет предельно предметно и конкретно отнестись к разработке способов анализа деятельности. Если в Немецкой классической философии вся специфичность человеческого существования проявлялась в его деятельности, и, следовательно, анализировать человека или мир, к которому человек всегда находится в определенном отношении, - это означает анализировать его деятельность, то после К. Маркса понятие деятельности обретает узкоспециальные черты частнонаучных предметов (в частности, социологии и психологии). Однако такая предметизация деятельности страдала очевидной односторонностью - ведь деятельность фиксируется в частнонаучных дисциплинах только с одной стороны, которую возможно выделить при помощи средств, задающих специфику предмета этой частной науки. Но ни один из этих частнонаучных предметов не обладает средствами, необходимыми для описания деятельности как целостного феномена.

Разработка таких средств стала возможной только после дисциплинарного оформления методологического мышления. На этапе же частнонаучного описания деятельности она еще не была возможной, поскольку отсутствовала сама необходимость такого методологического предмета. Хотя формальный подход к анализу деятельности К. Маркса уже делал необходимым развитие методологического аппарата, фиксирующего деятельность как таковую, ее системный образ, средства, конфигурирующие частнонаучные знания, появились только во второй половине XX в.

Основными науками, в которых понятие деятельности играло ключевую роль, были, как указывалось выше, психология и социология. Однако вопрос о природе деятельности и о способах, которые определяют ее форму, ставился только в социологии. Если в психологии психика рассматривалась как «орган» деятельности⁶ и само понятие деятельности не развивалось, то в социологии категория деятельности играет ключевую, ценностно-ориентированную роль, поскольку позволяет анализировать способность человека управлять и осознать собственное социальное поведение. Причем как в психологии, так и в социологии категория деятельности напрямую связывалась с категорией коммуникации. Если, как считал Л.С. Выготский, психика есть не что иное, как интериоризированные человеческие отношения, то в социологии сам феномен социальности стал рассматриваться в связи со способностью конструктивно устанавливать системы, выступающие, говоря словами Н. Лумана, в качестве «медиаторов коммуникации».

В социологии благодаря категории деятельности стало возможным уйти как от натуралистических парадоксов в описании социальной жизни (физикализм, органицизм и т. д.), так и от бихевиористических и иррациональных тенденций в описании возникновения и развития систем социального управления (проблема власти), это позволило социологии прийти к такому построению собственной теории, которая имела возможность воздействовать на социальную практику, проектировать и конкретизировать институциональные аспекты социальной жизни.

Следствием этого стал парадигматический перелом в описании социальности, когда субстанциональная методология была замещена реляционной, благодаря чему социальная жизнь была представлена в виде целостной системы деятельности и совокупности связей между функциональными блоками этой системы. И с этой точки зрения в социологии деятельность – такая форма активности человека, которая обладала нормативными чертами такого порядка, который необходимо еще установить. Социальный же анализ сводился к описанию объемлющих деятельность социальных систем, задающих и обеспечивающих средствами такую форму активности. Соответственно само понятие деятельности тематизировалось только вместе с описанием рамочных процессов, в которых она занимала определенное функциональное место. Причем эти объемлющие процессы определяли саму целостность деятельности, и соответственно деятельность как форма организации человеческого поведения являлась следствием или продуктом таких процессов. В связи с этим социология не могла дальше останавливаться на межчеловеческом «собственно социологическом предмете» и для сохранения осмысленности своих базовых представлений выходила на решение методологических и философских вопросов, в результате чего появилась социальная теория.

Отсюда, как следствие, возникала актуализация таких философско-методологических вопросов: Какова природа деятельности? Что является ее контекстом (внутренняя жизнь индивидов, субъективный смысл или институциональные ограничения его активности) и в какой степени человек способен структурировать ее? Каковы рамки деятельности? Каким образом они задаются и фиксируются в деятельности как объективные внедеятельностные черты? и т. д.

Представление о социальном как совокупности недейтельностных обстоятельств и условий деятельности привело к предположению о том, что основополагающим процессом, который задает содержание понятия деятельности, является, в частности, процесс коммуникации. В результате в некоторых методологических концепциях появилось представление о том, что понятие деятельности рассматривается только как одна из возможных форм коммуникации, которое при этом редуцирует человеческую сущность к инструментальности. Общий смысл этого противопоставления сводится к тому, чтобы рассмотреть коммуникацию как такую форму человеческой активности, частным случаем которой является деятельность.

Эта установка возможна, если предполагать, что, во-первых, всякая деятельность является коллективной, и, во-вторых, что деятельность, направленная на другого человека, не может предполагать преобразующего аспекта (моральный запрет на объективацию другого). Именно в связи с этими моментами понятие коммуникации многими современными авторами рассматривается как оппозиционное деятельности. Обобщить аргументацию против деятельностного подхода можно, указав на два ее типа. Первый утверждает, что коммуникация является действием (формой активности), но не деятельностью, поскольку не предполагает преобразующего субъект-объектного взаимодействия⁷. Второй подход указывает на то, что коммуникацию, по всей видимости, вообще нельзя назвать действием, поскольку человеческое (взаимо)понимание строится на принципиально иных антропологических и экзистенциальных основаниях. Экзистенциальная аргументация остается чисто философской, касается предмета философской антропологии, и в социальной теории конструктивных следствий такой подход обнаружить невозможно.

Первый тип аргументации критиковался представителями постструктурализма. Они пытались показать, что любой тип межчеловеческого взаимодействия всегда в любом случае подчиняется определенной доминанте, определяющей форму такого общения. Демонстрацией этого аспекта является анализ власти или описание сексуальных практик у М. Фуко⁸, или описание латентного стратегического действия у самого Ю. Хабермаса.

Однако, по нашему мнению, все противоречия снимаются, когда вычлениваются функциональные характеристики категории деятельности. Сама па-

радикальная природа использования той категории указывает на функциональную, а не атрибутивную ее специфику. Деятельность есть не атрибут человеческого мира, но ее необходимо рассматривать как организационный эталон связей формальных и содержательных характеристик активности нескольких индивидов. Если предположить, что до вступления в коммуникацию по поводу взаимодействия индивиды имели проект собственной деятельности, представления о плане, средствах, целях и т. д., то это уже указывает на соотнесенность внутреннего плана деятельности с парадигматической картиной ее структуры. Однако, если быть корректным в генетическом анализе, становится очевидным, что до появления и закрепления понятия деятельности в виде образца в культуре само его появление было вызвано согласованием активностей индивидов в единой системе. Для того чтобы сделать такой вывод, необходимо зафиксировать культурный статус категории деятельности, который определялся в истории философии принадлежностью деятельности как формы активности некоему надчеловеческому началу - активности Бога, абсолютного духа, истории и т. д. Это, по нашему мнению, было вызвано необходимостью дифференциации системных характеристик деятельности и индивидуальных, единичных характеристик поведения индивидов.

Развитие же деятельностного подхода в таком случае связывается не столько с содержательной спецификой категории деятельности, сколько с использованием ее в коммуникации, что предполагает описание ситуаций использования категории деятельности. Такой деятельностный подход к анализу способов употребления категории деятельности сам отвечает его базовым принципам и связывается в нем с проблемой рефлексии. Причем специфика использования понятия рефлексии в деятельностном подходе коррелируется с представлением о том, что рефлексия - это одна из форм коммуникации (в теории информации и коммуникации рефлексия иногда рассматривают как автокоммуникацию⁹).

При этом в анализе рефлексивных процессов деятельности становится необходимым зафиксировать принцип рефлексивного отражения. Он означает, что система деятельности образуется в результате соотнесенности различных деятельностных позиций и соответственно фиксации всей деятельности в тех предметных формах, которые специфичны для этих деятельностных позиций. В результате этого становится очевидным неидентичность содержания представлений о деятельности в различных типах рефлексивного отражения, а отсюда следует отсутствие гомогенности представлений о ней, что ставит под вопрос сам парадигматический статус этой категории. Вместе с тем принцип рефлексивного отражения не позволяет говорить о системообразующей функции коммуникации по отношению к деятельности. Это связано с тем, что в результате рефлексивного отражения деятельностные позиции не занимают своего «функционального места» в структуре деятельности, а значит, не способны образовать кооперативных связей. Таким образом, смысл и функция коммуникации зависят от самой картины деятельности, предшествующей процессу преобразования индивидуальной активности в единую организованную систему деятельности.

Как следует из сказанного, коммуникация связывается в деятельностном подходе с рефлексией именно потому, что в деятельности каждая деятельностная позиция ассоциируется с «эпистемической» функцией, которая обеспечивает рефлексией все остальные позиции. Сами действия в соответствии с этой функцией позволяют осуществлять такую деятельность, которую невозможно «увидеть» в других позициях. Очевидно, что рефлексивные знания о ней необходимы в таком случае для того, чтобы установить межпозиционный контекст целостной деятельности. Это означает, что индивиды, пытающиеся организовать свои действия в единой деятельности, должны обсуждать специфику своих «позиционных» точек зрения на уровне рефлексии и при помощи рефлексивных знаний преобразовывать свои позиционные знания для других индивидов.

Таким образом, всякому процессу преобразования индивидуальной активности в коллективную деятельность, в которой и происходят коммуникативные процессы, предшествует выработка парадигматической картины деятельности. Парадигматический статус этой картины связан с использованием онтологической картины деятельности в качестве проекта коллективной активности. Это означает, что осмысленной и организованной коммуникации предшествует соотнесение процессов организации кооперативной системы позиций с картиной самой деятельности, а значит, не она является формой коммуникации, а коммуникация выступает как внутренний процесс деятельности.

¹ См.: Фихте Г. Сочинения. Работы 1792-1801 гг. М., 1995.

² Гегель Г.В.Ф. Наука логики: В 3 т. М., 1970-1972. Т.1-3.

³ Юдин Э. Г. Методология науки: Системность. Деятельность. М., 1997. С. 235.

⁴ См.: Парсонс Т.О структуре социального действия. М., 2000.

⁵ См.: Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995.

⁶ См.: Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.

⁷ См.: Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.

⁸ См.: Фуко М. Воля к знанию // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. С. 97-269.

⁹ См.: Каган М.С. Мир общения: проблема межсубъектных отношений. М., 1988.

Поступила в редакцию 02.11.06.

Андрей Николаевич Мирошниченко - преподаватель кафедры философии и методологии науки.